

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

**БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА
ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Ставрополь, 2017

УДК 323.2:338:442
ББК 65:66.3 (2 Рус):67

Редакционная коллегия:

Н.П. Медведев (Отв. редактор), А.А. Аникеев, В.И. Каширин.

Безопасность и профилактика терроризма и экстремизма на Северном Кавказе: коллективная монография. / Отв. ред. проф. Н.П. Медведев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – 120 с.

В монографии раскрываются теоретические и практические вопросы укрепления безопасности и профилактики экстремизма и терроризма на Северном Кавказе. Особое внимание уделяется анализу идеологии терроризма, её профилактики в форме лекционных курсов, воспитательных мероприятий, интернет-технологий и др.

Рекомендована для органов государственного и муниципального управления, общественных организаций, научно-педагогических работников, учителей, аспирантов и студентов.

УДК 323.2:338:442
ББК 65:66.3 (2 Рус):6

Точки зрения редакционной коллегии, авторов и издательства могут не совпадать. Ответственность за достоверность приводимых фактических и статистических данных, их интерпретацию и делаемые прогнозы несут авторы статей.

© Коллектив авторов, 2017
© Изд-во СКФУ, 2017.

Предисловие

Проблемы укрепления безопасности и противодействия экстремизму и терроризму продолжают оставаться важнейшими вопросами современности. Значительно возрастает значение практического опыта обеспечения профилактики экстремизма и терроризма на Северном Кавказе.

В своём приветствии участников XIII Совещания руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России Президент страны В. Путин отметил: «Сегодня важно неуклонно повышать уровень взаимодействия, активнее обмениваться профессиональным опытом, использовать самые современные формы и методы деятельности. В первую очередь – в вопросах предупреждения, выявления и пресечения террористических актов, противодействия организованной преступности и незаконному обороту наркотиков. Необходимо жестко реагировать на распространение пропаганды насилия и экстремизма, идей национальной, религиозной и социальной нетерпимости, в том числе, в глобальной информационной среде» [1].

В Российской Федерации сложилась общегосударственная система профилактики экстремизма и терроризма, которая включает в себя органы государственной власти, местного самоуправления с привлечением возможностей институтов гражданского общества, а также нормативные правовые акты, регулирующие их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию экстремистской и террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявления экстремизма и терроризма.

Издержки межнациональных отношений и возрождение исламского радикализма на Северном Кавказе требуют изучения теоретико-методологических аспектов безопасности, экстремизма и терроризма. Актуальной проблемой исследования остается идеология и мотивация деятельности террористических организаций. Не обобщён еще опыт форм и методов профилактики политического экстремизма и терроризма отдельных категорий населения. Требуется особое внимание наша молодёжь как главный объект вербовки эмиссарами международных террористических и экстремистских организаций. Неполно изучена антитеррори-

стическая образовательная и воспитательная работа вузов Северного Кавказа, деятельность СМИ и интернет-сообществ в этой сфере[2].

Данная монография подготовлена в рамках проекта Института повышения квалификации научно-педагогических кадров Северо-Кавказского федерального университета «Проблемы повышения эффективности системы безопасности России на Северном Кавказе». Руководитель проекта – ведущий научный сотрудник ИПК НПК СКФУ, доктор философских наук, профессор, Н.П. Медведев.

Внимание авторов направлено на исследование теоретических проблем безопасности, постановки антитеррористической учебной и воспитательной работы в образовательных учреждениях региона, вопросам правовой оценки деятельности последователей ИГИЛ и других террористических организаций, а также экстремистских организаций в Северо-Кавказском Федеральном Округе.

В монографию включены статьи доктора философских наук В.И. Каширина о проблеме цивилизационного и ноосферного патриотизма в контексте социального времяведения, доктора философских наук Н.П. Медведева о влиянии английского референдума 23 июня 2016 г. на современную ситуацию в Евросоюзе и в мире, доктора философских наук И.А. Бокачева и И.И. Незнамовой об основных причинах зарождения экстремизма и терроризма и их активизации в современных условиях, доктора юридических наук Т.В. Пинкевич о современных проблемах противодействия экстремизму и терроризму, А.И. Кожуховского о природе и сущности идеологии террористической группировки «Исламское государство», кандидата исторических наук И.А. Аникеева о противодействии идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде, доктора исторических наук А.А. Аникеева об инновационных курсах в СКФУ по безопасности и противодействию экстремизму, национализму и терроризму, доктора политических наук Е.В. Галкиной о профилактике политического экстремизма и терроризма среди молодежи, доктора философских наук О.Н. Гундарь и кандидата философских наук Е.С. Гундарь о проблемах предотвращения экстремизма в молодежной среде, кандидата исторических наук А.С. Нестерова о профилактике распространения идей экстремизма и терроризма в сети Ин-

тернет, доктора философских наук О.С. Новиковой об особенностях противодействия религиозному экстремизму на территории Северо-Кавказского федерального округа.

Список литературы:

1. Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014. №2. (11). С.9.
2. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодёжной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва 15-16 сентября 2015. М.,2015.

В.И. Каширин

Проблема цивилизационного и ноосферного патриотизма в контексте социального времяведения

Проблема формирования современного российского патриотизма интерпретируется в социальном времяведении как проблема выбора «правильного» пути. Она актуализируется в связи с современным глобальным экономическим кризисом, впервые разразившимся с такой силой после Второй мировой войны. Экономический кризис неизбежно вызывает новую волну кризиса духовного. Его скрытые пружины, содержащиеся в разрыве времен: обесценивании прошлого опыта и утраты перспектив будущего, проявляются в нарастании общего чувства тревоги, страха, ожидания финальной трагической развязки. В нейтрализации, или хотя бы в смягчении этого кризисного разрыва времен видят роль национального патриотизма и правящие элиты США. Не случайно, президент США Д. Трамп, как «антикризисный управляющий» параллельно с критиком бывшей администрации, применил один из способов сплочения нации: ввел государственный праздник – День национального патриотизма.

Социологам еще предстоит измерить глубину и длительность пессимистического влияния кризисных экономических факторов на социальное самочувствие людей, и прежде всего молодежи. Но уже сейчас видно, что именно нынешний экономический кризис как бифуркационная точка перелома социального самочувствия может возродить традиционную для России веру в

приоритетность духовных факторов над материальными, обнаружив мощный культурный иммунитет российского патриотизма.

В этот период становится важным раскрыть истоки философской слепоты как массового явления, вывести людей, прежде всего молодежь, из состояния полного нравственного солипсизма, подогреваемого апологетами «деидеологизации» и «депатриотизации» народа. Для изучения патриотизма как феномена культуры, указывающего точки преодоления негативных состояний и обоснования оптимизма, и преемственности, на наш взгляд, необходимо использовать методологический потенциал социального времяведения.

1. Социальное времяведение: проблема патриотизма как проблема выбора «правильного» пути

Социальное времяведение ведет поиск решения проблемы патриотизма в двух направлениях: как проблемы ноосферного патриотизма и как проблемы цивилизационного патриотизма Большой и Малой Родины. Вариативность решения проблемы патриотизма связана с тем, что социальное времяведение, исходя из диалектико-триалектической парадигмы, рассматривает патриотизм как феномен культуры, который, как и другие феномены, имеет диалектическую «природу» (результат взаимодействия коллективно-пространственной горизонтали и индивидуально-временной вертикали) и, вместе с тем, имеет тройственную динамику в цивилизационной реальности: «вчера – сегодня – завтра». Путь решения проблемы ноосферного патриотизма выглядит как стрела времени, направленная из прошлого в будущее, не имеющая альтернатив конструктивному сотрудничеству в решении общих задач человечества. Путь решения проблемы цивилизационного патриотизма Большой и Малой Родины лежит через преодоление цивилизационной профанности, связанной с утратой собственной цивилизационной ориентации и слепым копированием чужого опыта, создающим видимость свободы выбора на современном (общенациональном) и повседневном (личностном) уровнях.

Формирование цивилизационного патриотизма затруднено внутренним расколом российского самосознания, движением от одной крайности к другой. Для любой цивилизационной системы

нахождение нового «правильного пути» – это событие грандиозное, означающее рождение нового мира. При нормальной цивилизационной эволюции такое случается резко. Исследователи отмечают, что в XX веке в России периодически открывались новые пути. На заре XX века был открыт путь конституционной монархии, который затем был отвергнут, и Россия двинулась путем демократической республики. Демократическая республика просуществовала недолго и была отвергнута. Страна встала на путь диктатуры пролетариата, которая была оформлена как республика Советов. Существовало представление, что советская власть – на многие века. Семьдесят лет страна шла именно этим путем. Однако затем был сделан вывод, что «правильный путь» совсем иной – это путь президентской власти и коренной перестройки. Этот путь повернул Россию вспять, к историческому прошлому «неправильности» этого пути.

«Попадание в историческое прошлое, – пишет Л.В. Скворцов, – ставит перед теоретической мыслью вопрос: не обнажает ли открытие множества «правильных путей» для России того печального факта, что у политиков не все в порядке с пониманием того, что означает «правильность» пути в цивилизационном смысле? Как можно рассуждать о «правильных» и «неправильных» путях общественного развития, не зная, что такое «правильность» пути? Если нет критерия правильности, то нельзя оценить, какой путь правильный, а какой неправильный... Соответственно, Россия периодически переходит из состояния цивилизационной аутентичности в состояние цивилизационной профанности. Сегодня в этой ситуации может оказаться весь мир»[1].

Таково состояние российского самосознания на уровне современности. Однако социальное времяведение, являясь практической философией, акцентирует внимание на возможных следствиях подобного раскола российского самосознания не только на уровне современности (коллективно-пространственной горизонтали), но и на уровне повседневности (индивидуально-временной вертикали), где оно усиливается современным глобальным экономическим кризисом. Исследователи констатируют возникновение общего чувства тревоги как некое объективное ощущение скрытой угрозы для бытия каждого. Это не угроза конкретного преступного действия, а угроза потери позитивной

перспективы человеческого существования. Общее чувство тревоги и возникающей на его почве страх – это не трусость, а осознание тупиковой перспективы бытия человечества, родной страны, собственной или семейной жизни.

Универсальность чувства страха, согласно З. Фрейду, следует выводить из общего процесса формирования бессознательного и структуры сознания. Однако такое объяснение представляется недостаточным с позиции социального времяведения, рассматривающего страх и его константность как следствие общей социальной ситуации бытия человека, разрыва индивидуального самоопределения с общими социальными требованиями. Наиболее очевидные примеры этого – вступление юноши в мир «взрослой жизни» или выпадение пожилого человека из привычного мира сознательных связей и активной деятельности.

Социальное времяведение призвано сопоставить «требования времени», предъявляемые обществом к цивилизационным субъектам, с их «вектором идентичности». Иначе говоря, оно ставит проблему информационного поля культуры в плоскость культурно-временных отношений: вектор и степень интенсивности самоопределения цивилизационных субъектов должны максимально совпадать со степенью «устремленности в будущее» данного общества, выражающейся в требованиях времени. Процедура определения этих требований представлена «философским диагнозом времени», который носит комплексный междисциплинарный характер. А процедура определения вектора идентичности производится при помощи механизма «информационный отбор – цивилизационный выбор». Эти и другие аспекты определения степени соответствия требований времени и вектора идентичности цивилизационного субъекта разработаны в концепции культуры времени[2].

Концепция культуры времени противостоит концепции «вневременного времени», утверждающей, что время дробится на куски в «сетевом обществе» и на смену измерению времени приходят манипуляции со временем[3]. Она противостоит и идее раздробленности человека, замены его индивидуальности на «дивидуальность»: «Возникает некая собираемая и разбираемая виртуальная голограмма человека. Если расчленишь и изучить подробно человека, то мы увидим, что это не что иное, как система

эмоций, система раздражений, система клеток, реакций и, соответственно, виртуальная машина»[4].

Глубокая философская сущность концепции культуры времени заключается в том, что она отражает гуманистический подход к конфликту между свободой и самим выбором, ограничивающим эту свободу. Она делает решительный шаг к холистическому пониманию единства человека и как материального объекта, то есть биологической машины, «работающей» по генетической программе, и как обширного поля сознания, фрагментарность которого не ограничена ни временем, ни пространством, но лишь линейной причинностью культуры самосознания, то есть собственным информационным выбором, возвращающим всеохватность и множественность форм сознания в первоначальную целостность самосознания под влиянием культуры. Именно интегративность такого единства и формирует человека в качестве цивилизационного субъекта. Концепция культуры времени является теоретической основой социального времяведения.

Социальное времяведение рассматривается в трех аспектах: 1) как область научно-философского и социологического знания, обоснованная концепцией культуры времени, имеющая свой актуальный предмет познания; 2) как соответствующий этой области вид исследовательской деятельности, имеющий свой арсенал теоретических и практических методов познания, основанных на междисциплинарном культурно-временном подходе, обладающим методологическим потенциалом; 3) как учебная дисциплина «Основы социального времяведения», раскрывающая предмет и методологию концепции культуры времени при помощи культурно-временного подхода, отражающая деятельное отношение человека к миру.

Как область научно-философского знания социальное времяведение – это теория информационного поля культуры, в которой культура времени рассматривается как мера информации о природе, обществе и человеке, формирующая идею времени в научной картине мира, образ времени в современной картине общественной жизни и образ жизни в индивидуальном рисунке жизни. Предметом социального времяведения является, следовательно, культура времени как мера информации, формирующая в информационном поле культуры следующие виды смысловой времяцелостности: а) в процессе языкового общения – культуру

самосознания (информационно-коммуникативное поле культуры), б) в процессе индивидуальных действий – культуру поведения (информационно-поведенческое поле культуры), в) процессе коллективной деятельности – культуру труда (информационно-функциональное поле культуры)[5].

Эти виды смысловой времяцелостности различаются в теоретической философии в качестве форм виртуальной (мысленно возможной) реальности. В практической же философии, рассматривающей деятельность цивилизационных субъектов как превращение реальных возможностей в действительность, эти формы виртуальной смысловой времяцелостности (культура самосознания, культура поведения и культура коллективной деятельности) трактуются как внутренний, внешний и метавнешний факторы жизнедеятельности (жизненного времени, судьбы) цивилизационных субъектов.

2. Субъект патриотизма как цивилизационное целое

В лекциях о патриотизме иногда применяется такой нехитрый психологический пассаж: около села Раздольное деникинские части встретили сильное сопротивление отрядов красных, бой был жестокий; наши победили. Вопрос: кто победил? В некоторых случаях затруднения с правильным ответом происходили из-за плохого знания истории, но чаще всего – из-за отсутствия готовности определить собственную позицию в отношении «наших», которая во многом зависит от того, с кем мы себя идентифицируем, какую позицию избираем. Встречались и другие суждения: патриотизм – это коммунистическая пропаганда для одурачивания молодежи. Этот факт есть свидетельство тому, что помимо теоретической существует и большая практическая необходимость прояснить понимание патриотизма не просто как идеологической конструкции (без идеологии, как известно, ни одно государство существовать не может), но и как феномена культуры, смысловая характеристика которого зависит от позиции цивилизационного субъекта в информационном поле культуры.

Такая позиция цитируемых авторов называется в современной философской литературе «просвещенным патриотизмом». Характеризуя его В.А. Шупер пишет: «Представляется, что именно просвещенный патриотизм, основанный не просто на отстаивании интересов страны, а на заботе о сохранении и приум-

ножении ее конкурентных преимуществ в мире, равно как и об устранении недостатков, препятствующих ее развитию, мог бы стать той нитью Ариадны, которая в состоянии вести нас в лучшее будущее»[6].

Процесс «деидеологизации» в постсоветском исполнении означает гуманитарную интерпретацию и «депатриотизацию» прежде всего молодежи. В сочетании с насаждаемой рыночной идеологией, он привел к распространению в молодежной среде антипатриотических клише: «там, где сытно, и не каплет – там и дом». Оставался один шаг до суждений: «следовало бы проиграть Великую Отечественную войну, но зато жить сытно и весело, как западные немцы». Проиграв информационную войну с идеологами «депатриотизации», которую они лицемерно проводили под флагом «деидеологизации», мы проиграли Великую Отечественную войну, спустя полвека после ее окончания. Считается, что чем успешней мы сможем противостоять охлократизации общества, «восстанию масс», тем более достойное место в мире нам удастся занять. Ведь мы не станем ни немцами, ни американцами, ни китайцами, даже если очень этого захотим. Нам надо найти, изобрести, построить свою модель – оригинальную и эффективную. Скорее всего, в ней будет признаваться, и использоваться огромная цивилизационная роль фундаментальной науки, цельного знания в образовании, а современный российский патриотизм будет рассматриваться как неотъемлемая и сакрализованная часть культуры.

Феномен патриотизма как предмет гуманитарного знания – это субъект-объектная феноменальная реальность, обладающая целостной смысловой структурой. Гуманитарное познание рассматривает смысловую целостность патриотизма как феномен культуры, который не может быть выведен ни из объективности Родины, ни из субъективности любящего ее человека. Он может функционировать только как цивилизационное целое. Цивилизационное целое – это длительность, не сводимая к настоящему. Это – и прошлое, и возможное будущее.

Патриотизм как цивилизационное целое можно рассматривать как своеобразный «сигнальный элемент» для актуализации героического прошлого, ради целесообразного будущего. При помощи идеи и образа патриотизма будущее страны окрашивается в оптимистические тона. Патриотизм обеспечивает транзит

образа героического прошлого в оптимистическое будущее. Он является неорганическим катализатором, благодаря которому энергия человеческой культуры (В.И. Вернадский) превращается в сохранительную работу. Это означает, что образ патриота России обладает инвари-антным запасом метастабильной энергии, а идея патриотизма – обеспечивает духовно-нравственный иммунитет в виде сердцевины мощного адаптирующего механизма, позволяющего русской культуре на протяжении столетий относительно безболезненно приспосабливать к себе новые компоненты культур разных народов.

Легитимизация героического прошлого страны как актуального настоящего и целесообразного будущего происходит при помощи идеи и образа патриотизма как цивилизационного целого, «сигнального элемента», рассматриваемого в качестве преемственности правильного пути. Поэтому изучать патриотизм как феномен культуры можно лишь в контексте социального время-ведения, предметом которого является генезис и эволюция цивилизационного целого в глобализированном информационном поле культуры. В информационном поле культуры России, являющемся частью информационной Галактики, формируется ноосферный патриотизм, имеющий, однако, свою специфику.

3. Концепт ноосферного патриотизма: феномен культурно-временного стрейтора.

Ноосфера – это «новое состояние биосферы, в котором впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости» (выделено В.И. Вернадским)[7].

Из такого определения ноосферы, данного основателем этого учения, следует, что В.И. Вернадский вкладывал в него иной смысл, чем в понятие «биосфера», которую в большинстве школьных учебников обозначают в виде оболочки Земного шара. Биосфера понималась им как природное целое, как колыбель жизни вообще, и человеческой жизни, в частности. Ноосфера же (сфера разума) как продукт человеческого интеллекта – это лишь индивидуальные вкрапления в биосферу, создающие коллективное смысловое цивилизационное целое только на определенном этапе своего развития, а именно на определенном этапе глобали-

зации как естественно-исторического процесса – на этапе интеграции локальных культур, первым свидетельством которой он считал «научную мысль как планетное явление».

На наш взгляд, ноосфера – это «атомарный» мир индивидуальных знаний и самосознаний людей, проникающих во все сферы жизни и создающих на основе этого проникновения новую интегральную смысловую реальность – цивилизационную реальность, отличающуюся от социальной реальности своей индивидуальностью, цивилизационной целостностью (надысторичностью) и автономностью (дисперсностью). Следовательно, ноосфера – это не биологическая, не геологическая и не социальная реальность. Это – реальность цивилизационная, обладающая смысловой целостностью индивидуального самосознания и пропитывающая, наполняющая смыслом все другие виды реальности. Именно благодаря наполнению смыслом все виды реальности приобретают ноосферный (надысторический) характер как целое биологической и социальной жизни, как цивилизационное целое. Поэтому каждый цивилизационный субъект кристаллизует свое цивилизационное целое, свой «сигнальный элемент» в своих пространственных и временных границах прошлого и будущего. И в зависимости от широты и глубины его индивидуального интеллекта, эти границы могут расширяться до границ локальной, региональной, общегосударственной или глобальной цивилизационной целостности.

Исходя из такого понимания ноосферы, формирующей индивидуальное цивилизационное целое в качестве «сигнального элемента» правильности вхождения в коллективное цивилизационное целое, мы формулируем концепт ноосферного патриотизма.

Концепт ноосферного патриотизма обосновывает механизм культурно-временного стрейтора как механизм информационного отбора – цивилизационного выбора, включающего четыре узловые точки (этапы): 1) информационный отбор: «схватывание» и преодоление неопределенности (временной и альтернативной); 2) распределение сигналов по значимости; 3) квантификация и перебор смыслов в поступившей информации; 4) цивилизационный выбор.

Механизм культурно-временного стрейтора помогает преодолеть фрагментарность сознания, мешающую выстраиванию

правильного вектора поведения и деятельности субъекта. Рассмотрим его подробнее.

Ранее мы отмечали, что в ноосфере происходит двуединый процесс: с одной стороны, кристаллизация цивилизационной реальности в бесконечное множество автономных феноменов культуры (мультикультурализм), ведущая к хаотизации социокультурной реальности, а с другой стороны, проникновение смыслов цивилизационной реальности, наполнение или всех других уровней реальности, то есть упорядоченность биологической и социальной жизни. Но как создается симметрия хаоса и порядка жизни? Синергетическая (постнеклассическая) научная парадигма дает на этот вопрос один ответ: взаимопереходы хаоса и порядка происходят посредством диссипативных (рассеивающих и концентрирующих) переходных структур. Считается, что это открытие, которое определило развитие всей науки на несколько десятилетий вперед, сделал И.Р. Пригожин[8]. Видимо из поля зрения историков науки выпало открытие В.И. Вернадским симметрии и диссиметрии живой материи, которое он сделал значительно раньше (1920) И.Р. Пригожина (1984).

Гуманитарное познание в этом открытии усмотрело для себя самый важный момент: переоткрытие времени. Оказывается, синергетическая научная парадигма, в отличие от ньютоновской (стабильно-механистической) и энштейновской (нестабильно-световой), становится стабильно-нестабильной, как человеческая жизнь; в ней время становится функционально первичным, оно не сводится к настоящему, а прошлое оказывается «опрокинутым в будущее». Именно такое общее понимание времени и объединяет естественнонаучное и гуманитарное знание. Легитимизация гуманитарного знания как научного, а также сближение социального и гуманитарного познания, со своей стороны, обогатили науку новой трактовкой прогресса. Теперь прогрессом можно и должно считать не безграничное использование энергетических ресурсов природы, как доказывал В. Освальд, а безграничное воспроизводство энергии человеческой культуры, как считал В.И. Вернадский.

И тогда оказалось, что, новая парадигма требует изменить с учетом информационного подхода даже само определение жизни: «Жизнь представляет собой информационный способ существования материи (вещества и энергии), который реализуется в мно-

гообразии рядов иерархически самоорганизующихся и саморазвивающихся объектов, целесообразно организованных в процессе овеществления их индивидуальных информационных программ»[9].

Однако следует учитывать разницу между биологической реальностью, где информационные программы являются генетическими, и цивилизационной реальностью, где информационные программы, помимо врожденных, вмещают в себя и культурно-временные компоненты: а) социально-приобретенные в семье (накопленное прошлое), б) индивидуально-поведенческие, коллективно-деятельностные (целостное настоящее) и в) предповеденческо-целевые – самосознательные (целесообразное будущее). В таком случае цивилизационные информационные программы должны пониматься как культурно-временные технологии цивилизационной реальности. На наш взгляд, именно при помощи таких программ в общественной жизни происходит устранение или как бы «спрямление» потенциальных барьеров между информационной Галактикой и целостным информационным полем культуры цивилизационного субъекта. В общей теории систем подобные «выпрямители» называют «стрейторами»(от английского слова «стрейт», означающего «прямой»)[10].

Но можно ли считать феномен патриотизма как феномен культуры одной из таких культурно-временных технологий, стрейтором фрагментарного мышления, придающего ему векторную направленность? Попробуем ответить на этот вопрос с позиции глобального эволюционизма, основателем которого можно считать В.И. Вернадского. Для этого сформулируем следующий вопрос: если культурно-временные технологии, будучи цивилизационной информационной программой всех других видов реальности, в конечном итоге определяют их эволюцию, то как себя ведет действительность? Но действительность в гуманитарном знании – это цивилизационное бытие, то есть деятельность, работа. Иначе говоря, если мы – материалисты – признаем первичность и объективность цивилизационного бытия, то признаем и вторичность информационных программ, создаваемых в процессе цивилизационного бытия. Но как мысль человека участвует в этом?

Этот же вопрос ставил и В.И. Вернадский: если мысль не есть форма энергии, то как она может изменять материальные

процессы? И отвечал, что все-таки, при помощи энергии – энергии человеческой культуры, которая возникает в процессе биологической эволюции человека из культурной биогеохимической энергии живых организмов, а в процессе цивилизационного бытия (деятельности), создает ноосферу. Но в таком случае возникает другой вопрос: что такое «энергия человеческой культуры»? Не является ли она творческой деятельностью человека по созданию цивилизационных культурно-временных технологий (векторов фрагментарного мышления), одной из которых является патриотизм? Но тогда можно прийти к выводу, что в ноосфере всё поддается воздействию человека, согласно антропному принципу, благодаря созданию человеком культурно-временных программ. Интерпретируя именно таким образом оптимистическую позицию В.И. Вернадского, утверждающего необходимость активности человека в ноосфере, неизбежно становимся на твердую почву гуманизма и бесконечности человеческой цивилизации, управляющей своим будущим.

Однако такой позиции противостоит точка зрения другого великого человека – М. Маклюэна – основателя современной западной трактовки информационно-реальной реальности. И хотя его книга называется «Понимание МЕ-ДИА: Внешнее расширение человека» (1964), его теорию хочется назвать теорией внешнего подчинения человека. Он, в частности, проводит параллель между курицей и человеком, следующим образом: «Вместо вопрошания о том, что появилось раньше, курица или яйцо, внезапно пришло на ум, что курица – это план яйца по преумножению яиц»[11]. Получается, что человек как вид живого является сам производным от информационных полей, одновременно производящим их. В таком случае вырисовывается мрачное будущее для человека: когда информационные поля приобретут абсолютную самостоятельность и независимость от человека, наступит период постгуманизма и постчеловечества. И как считает, И.В. Бестужев-Лада, если не гуманизировать сейчас процесс превращения интернетного хаоса в упорядоченный интернетный космос, то такой период наступит уже в третьей четверти XXI века[12]. А теперь так поставим вопрос: чья позиция – В.И. Вернадского или М. Маклюэна может считаться ноосферно-патриотической, если нашей Родиной мы считаем, как и все люди, планету Земля?

Правильно ответить на этот и другие вопросы помогает цельное знание. Автор концепции цельного знания Л.В.Скворцов считает, что составляющими компонентами цельного знания являются: 1) символ духа народа, обеспечивающего здоровое общество, позитивное взаимодействие его граждан; 2) символы взаимодействия человека и природы, равновесного ресурсного и энергетического взаимодействия; 3) символы целостного видения человеком самого себя, как исторически сложившегося противоречивого соединения материального и духовного начал: оба истинны, хотя и действуют в противоположных направлениях[13].

Целостное знание, таким образом, обеспечивает целостное восприятие феномена патриотизма как феномена культуры. Оно не может достигаться только при помощи гуманитарного или естественнонаучного познания. Наряду с ними цельное знание предполагает и познание самого себя. Поэтому, неправомерно, на наш взгляд, называть процесс достижения цельного знания только процессов обучения, или того хуже – процессом предоставления образовательных услуг. И если в школьные годы такое познание еще и может быть допустимым, то в вузах и колледжах процесс постижения цельного знания должен называться процессом образования и самовоспитания. Этому может служить преподавание новой гуманитарной дисциплины «Основы социального времяведения», программа которой разработана и предлагается нами[14].

Необходимость цельного знания определяется требованием духовного здоровья народа. Общество ведет борьбу с бандитами и террористами. Такие противники эмпирически реальны. Но существуют и не очевидные противники, которые, однако, не менее опасны, чем террористы. Это – бациллы бездуховности, создающие бреши в цивилизационной защите страны. Они цинично попирают подлинные патриотические ценности жизни, подменяя их духовными суррогатами «деидеологизации» и «депатриотизации».

Итак, методологический потенциал социального времяведения, основываясь на концепциях культуры времени, информационного поля культуры, при помощи философского диагноза времени, развития теории цивилизационного патриотизма Большой и Малой Родины и ноосферного патриотизма, способен противостоять апологетическим концепциям «деидеологизации» и «де-

патриотизации» и манифестировать в вузовском учебном процессе образования и самовоспитания цельное знание через преподавание новой дисциплины «Основы социального времяведения».

Главная задача новой дисциплины – обеспечение преемственности внутренних, внешних и метавнешних смыслов патриотизма.

Итак, цивилизационный патриотизм нации или народа определенной страны это внешнее проявление целостной внутренней ментальной структуры – любви к Большой и Малой Родине, наполняющее цивилизационными смыслами метавнешнее их проявление – ноосферный (очаговый, но и все-проникающий и общепланетный) патриотизм.

Список литературы:

1. Скворцов Л.В. Россия: Проблема «правильности» пути // Человек: образ и сущность. Ежегодник. – М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 11-37.
2. Каширина О.В. Культура времени в современной картине жизни. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 286 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУВШЭ, 2000, с. 402.
4. Дугин А.Г. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна // Вестник аналитики. 2007. № 1. С. 134.
5. Каширин В.И., Каширина О.В. Информационное поле культуры: информационный отбор – цивилизационный выбор. – Монография. – Москва: МАКС Пресс, 2008. –176 с.
6. Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 3-21.
7. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. – М: Наука, 1991, с. 240, 241.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человек с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 325 с.
9. Яшин А.А. Рецензия на монографию Зусмановского Александра Григорьевича «Эволюция с точки зрения физиолога» (Ульяновск, 2006. – 388 с.) // Вестник новых медицинских технологий. – 2007. – Т. XIV, № 3. С. 190-191.
10. Штеренберг М.И. Проблема Бергаланфи и определение жизни // Вопросы философии. 1996. № 2.
11. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешнее расширение человека / Пер. с англ. – 2-е изд. М. – 2007, с. 14-15.
12. Бестужев-Лада И.В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 22-33.

13. Скворцов Л.В. Россия: проблема духовности и информационная культура // Культурология. Дайджест. – М.: РАН ИНИОН, 2002, № 2 (14). С. 252.

14. Каширин В.И., Каширина О.В. Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 112 с.

Медведев Н.П.

Современная ситуация в Евросоюзе в свете английского референдума 23 июня 2016 г.

Референдум в Великобритании поставил целый ряд вопросов, касающихся современного состояния и будущего Европейского Союза. Вот некоторые из них:

1. Что такое в действительности Евросоюз сегодня. Признаки кризиса.
2. Какое место занимает Евросоюз в планах «мирового тайного правительства - МТП».
3. Какие последствия для Европы вызовет Референдум и состоится ли Брексит (brexit).
4. Как повлияет Брексит на европейскую стратегию России и США.

Все эти вопросы возникли или значительно обострились в результате целого ряда знаковых событий, произошедших в мире в последние 2-3 года. Это собственно референдум 23 июня 2016 г. в Великобритании по вопросу о выходе из ЕС; обострение ситуации на Ближнем Востоке, связанное с появлением террористической организации ИГИЛ и попытками свержения законного правительства в Сирии. Это активное включение России в военную операцию против ИГИЛ и других террористических организаций; вхождение Крыма в состав РФ после общекрымского референдума 16 марта 2014 года; перманентная санкционная операция Запада против России; массовая миграция на территорию стран Евросоюза из Северной Африки и Ближнего Востока. Это сфальсифицированный допинговый скандал и кампания по дискредитации РФ как спортивной державы; и, наконец, это предвыборная кампания и выборы Д. Трампа президентом США.

В статье не ставится задача дать ответы на все поставленные вопросы, мы коснёмся тех аспектов этой проблемы, которые, так или иначе, нуждаются в пояснении в связи с необходимостью обеспечения национальной безопасности нашей страны. Нам жизненно важно уяснить самим и представить мировому сообществу действительные причины непримиримого отношения Запада к возрождению России как великой мировой державы, прекратить искусственную изоляцию России со стороны США и Европейского Союза, снять миф об угрозе Европе со стороны РФ. Задача, как говорится, не из лёгких, но требующая своего неотлагательного решения.

Особое значение для Российской Федерации имеет ситуация в Евросоюзе, перед которым встала проблема самого его существования. Нам далеко не безразлично, в каком направлении пойдут процессы в Европейском Союзе как нашем ближайшем и, как выяснилось в последнее время (особенно в результате включения стран Евросоюза в санкционную войну против РФ), не совсем дружественном соседе.

Итак, что такое в действительности Евросоюз и имеет ли он шансы на сохранение? Европейский союз - это экономическое и политическое объединение 28 европейских государств [5], нацеленное на европейскую региональную интеграцию. С самого начала Евросоюз в его современном виде (Союз был юридически закреплён Маастрихтским договором в 1992 году, вступившим в силу 1 ноября 1993 года) [7]. Он являлся попыткой создать нечто, подобное Союзу Советских Социалистических республик, который сам представлял единое государство, объединившее 15 советских социалистических республик, и который совместно с восточноевропейскими странами народной демократии создал единое экономическое и социально-политическое пространство (СЭВ – Совет экономической взаимопомощи).

ЕС как бы перехватил в 90-е годы инициативу у Восточного блока, уже идущему к своему закату, и на первых порах вызывал общеевропейский энтузиазм. Сочувственно и доброжелательно отнеслись к возникновению Евросоюза многие страны мира, в том числе и Россия. Созданный Европейским Союзом общий рынок, введение Шенгенской зоны действительно гарантировали свободное движение людей, товаров, капиталов и услуг. Введенная в обращение единая валюта (евро) облегчала взаиморасчёты в

рамках еврозоны¹. Проведение общей внешней политики, по большей части направленной на создание и обеспечение коллективной безопасности, способствовало уверенности у всех стран-участниц ЕС в защищённости от реальных и мнимых угроз извне. Всё это порождало надежду на возможность использовать возникший исторический шанс для укрепления мира и безопасности на территории Европы.

Реализации целей ЕС способствовала его разветвлённая структура, которая включает такие институты как Европейский совет (Высший руководящий орган, определяющий общую стратегию объединения), Европейскую комиссию (Правительство), Совет Европейского союза (Совет министров), а также Суд Европейского союза, Европейскую счётную палату, Европейский центральный банк и Европейский парламент.

В целях проведения интересов ЕС на международной арене были учреждены постоянные дипломатические миссии ЕС во многих странах мира, действуют представительства в Организации Объединённых Наций, ВТО, Большой семёрке и Группе двадцати. Казалось бы всё было сделано правильно и ничто уже не может помешать европейскому процветанию.

Однако дело повернулось несколько иначе, чем было задумано. Европейский Союз, как и ранее созданный военный блок НАТО строились при непосредственном участии и под руководством США, последовательно и целеустремлённо проводящих антисоветскую, а затем и антироссийскую политику. Кстати, это обстоятельство и стало наиболее слабым местом Европейского Союза, всё более подпадающего под влияние США, сыграло решающую роль в том, как складывались события в последнее десятилетие XX и в начале XXI века в Европе.

США рассматривали Евросоюз и НАТО преимущественно как приводные ремни своей антироссийской политики и мало заботились о действительных интересах стран – участниц ЕС. Это в значительной степени обострило вопрос о принципах руководства и лидерства в Евросоюзе, о роли заокеанских Соединённых Штатов Америки в определении политики Евросоюза и НАТО, с

---

¹ Введение новой валюты несколько потеснило доллар как средство международных расчётов, однако это не вызвало особых возражений со стороны США, поскольку игра стоила свеч, а именно, несколько не помешало укреплению Евросоюза и тем самым позиций Запада в его противостоянии с Советским Союзом.

его штаб-квартирой в Брюсселе (Бельгия) и ОБСЕ - европейской международной политической организацией - Вена (Австрия). Обе эти организации сегодня фактически находятся под опекой США, которые при их посредстве реализуют свои интересы в Евразии.

Рано или поздно такой расклад должен был обнаружить шаткость устоев Евросоюза. И такое время наступило. Ещё в первом десятилетии XXI века обозначились признаки системного кризиса Евросоюза. Весьма убедительную трактовку этого кризиса даёт Т.А. Романова, руководитель Центра исследований Европейского Союза Центра Превосходства им. Ж. Монне. Санкт-Петербург, СПбГУ². «На современном этапе, – пишет она, - можно выделить пять болевых точек ЕС: это кризисы внутривнутриполитического лидерства и солидарности, стабильности единой валюты и экономического роста, нормативного лидерства, иммиграции и террористической угрозы и, наконец, легитимности» [9].

Все обозначенные кризисы возникали и проявлялись одновременно, как это бывает, когда речь идёт об объединениях и альянсах, связанных с попытками подняться над национальными и другими интересами участников.

На нарастающие симптомы указанных кризисов указывал специально созданный орган ЕС – так называемая Группа по вопросам будущего Европейского союза, которая в 2012 году (то есть через 20 лет после создания ЕС), предложила создать в ЕС пост президента, избираемого всенародным голосованием, учредить министерство иностранных дел союза, ввести единую европейскую въездную визу и, даже, сформировать единую армию [5]. То есть, по сути дела, предлагался вариант превращения ЕС в своеобразное государственное образование, построенное на федеративных основаниях. По данным от 2013 года, 44 % граждан ЕС поддерживало идею о создании в будущем федерации европейских государств [8]. Это предложение было попыткой предотвратить дальнейшее развитие кризиса, найти способ выхода из этого кризиса. Это было признанием, по крайней мере, кризиса внутривнутриполитического лидерства и солидарности, то есть кризиса политического управления и политической стабильности.

---

² Жан МОННЕ - французский предприниматель и государственный деятель. Он считается одним из отцов-основателей Европейского союза, его называют «Отцом Европы».

Однако эти предложения Группы по вопросам будущего Европейского Союза не были реализованы по той причине, что они не встретили поддержки со стороны США, которые, по большому счёту, не были заинтересованы в укреплении ЕС, в создании прочного надгосударственного образования в Европе, не нуждающегося в американской опеке. Кроме того, они не были санкционированы Бельдербергским клубом, поскольку серьёзно расходились с целями этой организации [1].

Кроме того, США в это время активно прилагали усилия, направленные на новые проекты, призванные стать реальными проводниками их гегемонизма. Это проекты трансатлантического партнёрства (ТП) [10], к которому оказался неготовым ЕС, и транстихоокеанского партнёрства (ТТОП) [11], идея которого не была воспринята из-за слишком явной конфронтационности интересам Китая и других стран азиатско-тихоокеанского региона. Многих не устраивало и то, что эти проекты казались избыточными на фоне существующей ВТО как организации, уже получившей всемирное признание.

Здесь, кстати, следует отметить и то, что эти проекты остались практически вне внимания мировых СМИ, хотя по своей значимости они явно превосходили негативные для Евросоюза последствия Брексита, поскольку в случае их успешной реализации Евросоюз со своими региональными проблемами сразу же переместился бы на периферию мировой политики. И здесь уже деятели Евросоюза, почувствовав эту опасность, также не поддержали указанные проекты.

Хотя, как стало ясно после избрания Д. Трампа и его первой встречи с новым британским премьером Т. Мэй, проект трансатлантического партнёрства получил новый импульс для своего осуществления. По-существу, это проект возрождения англо-американского альянса, к которому в будущем могут присоединиться две других англоязычные страны: Австралия и Канада.

Все эти проекты были направлены на мобилизацию сторонников США в их геополитическом противостоянии с Россией и Китаем.

Тем не менее, идея интеграции Европы как цели Европейского союза всё ещё сохраняет свою привлекательность для значительной части его членов. Так, на Варшавском саммите стран-участниц блока НАТО 8 июля 2016 г. вновь всплыла старая идея

Европейского супергосударства. Однако и этот проект не вызвал особого энтузиазма ни в Совете Европы, ни в Европарламенте. Сохранение в Евросоюзе интереса к интеграции также получает выражение в поддержании военного альянса НАТО, находящегося под протекторатом США.

В этом отношении можно сказать, что проведение референдума о выходе Великобритании из Евросоюза свидетельствует, с одной стороны, об ослаблении позиций Евросоюза в глобальной геополитической игре, а с другой, о признаках переключения внимания США и МТП на возможность придания НАТО статуса ударного отряда Запада в противостоянии с Россией.

И всё же, возвращаясь к теме Брексита, следует признать, что сама инициатива проведения английского референдума и его неожиданные результаты говорят о серьёзных изменениях, происходящих в социальных настроениях европейцев. Результаты референдума [8] подтверждают наличие у англичан сомнений в отношении участия своей страны в том политико-экономическом образовании, какое представляет собой нынешний Евросоюз.

Эти сомнения имеют разные причины, главными среди которых являются отсутствие у народа Великобритании выраженного экономического интереса к сохранению членства своей страны в Евросоюзе, а также отсутствие у самого Евросоюза скрепляющей его идеологии наднационального уровня.

Попытка выстраивания такой идеологии на базе меркелианского мультикультурализма оказалась полностью дискредитированной в результате массовой миграции на территорию Европы выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Ментальные различия наряду с обострившимися проблемами социально-экономического характера поставили Евросоюз перед необходимостью защитить (сохранить) свою европейскую культурно-ценностную идентичность. И это сыграло, пожалуй, решающую роль в выборе англичанами своего ответа на вопрос референдума: "Соединенному Королевству нужно остаться членом Европейского Союза или покинуть Европейский Союз?" [3].

Идея европейской консолидации уже не кажется безоговорочно притягательной для европейских стран. Об этом свидетельствует распространение в Европе настроений евроскептицизма. Результат проведённого референдума - это первое после создания ЕС практически-политическое проявление вырвавшего-

гося на поверхность евроскептицизма [6]. Теперь, независимо от того, состоится «Брексит», или нет [2], само голосование британцев выявило наличие расхождений в интересах стран-лидеров, составивших ядро ЕС, с одной стороны, и стран-новичков, преимущественно из Восточной Европы – с другой, рассчитывающих на финансовую помощь ЕС. И хотя настроения евроскептицизма в странах – новичках присутствуют в значительно меньшей мере, чем в странах-основателях, ряд аналитиков европейского Запада приводят свои резоны относительно, по крайней мере, необходимости изменений в принципах взаимодействия внутри ЕС.

Так, д-р Михаэль Лайтман, основатель и глава Международной академии каббалы (МАК), которого трудно заподозрить в симпатиях к Брекситу, ещё в июне 2016 г. писал: «В целом, надо признать, что Европа тяжело больна. Она дряхлеет и угасает во всех сферах жизни: общий рынок оказался наживой одних за счет других, экономика подорвана, мигранты наводняют города, радикальный ислам усиливается, рождаемость среди коренного населения низка, а безработица высока. Недуги снедают Европу и распространяются от нее по всему миру»[2].

Здесь уместно затронуть вопрос: кому выгоден и кому не выгоден выход Великобритании из Евросоюза. Это необходимо для того, чтобы правильно оценивать результаты референдума и решать вопрос о его последствиях. Проблема Брексита, вообще распада или ослабления ЕС в значительной степени обострила вопрос о роли заокеанских Соединённых Штатов Америки в определении политики Евросоюза.

Брексит непосредственно затрагивает интересы США, которые, не являясь членом ЕС, до последнего времени практически определяли его политику, используя такие рычаги как военный блок НАТО и ОБСЕ.

Насколько США заинтересованы в Евросоюзе сегодня? Почему обамовские США ничего не предприняли для сохранения Англии в Евросоюзе? Может ли быть так, чтобы это отделение было в интересах США? Насколько США осознают возможность негативных последствий Брексита для себя и какие шаги готовы предпринять в этой ситуации? Как скажется на европейской политике США избрание на пост президента США Д. Трампа?

Что думает предпринять в связи с этим так называемое «глубинное государство» США [4] со всеми его государственными спецслужбами, Конгрессом и Сенатом? Все эти вопросы нуждаются в прояснении.

Однако вопрос о роли США в мировых делах, включая и Европейский Союз, нельзя ставить и решать в отрыве от проблемы политического управления и лидерства в мире в целом. По мнению многих исследователей, отечественных и зарубежных, тон в мировых отношениях задаёт наднациональный законспирированный орган, объединяющий участников так называемого Бельдербергского клуба [1], который, не без основания, часто с некоторой натяжкой называют «мировым тайным правительством». С натяжкой – потому, что в данном случае речь идёт о структуре, не несущей как правительство никакой ответственности перед кем бы то ни было и даже перед ООН, которая сегодня сама оказывается в сфере влияния бельдербергских «мудрецов».

Мы не намерены здесь освещать вопросы возникновения, направленности политики этого «мирового правительства», чьи интересы оно представляет, в чём состоит его геополитический приоритет сегодня. Подчеркнём лишь, что США – изначально опора и инструмент этого «мирового правительства», поскольку геополитическая стратегия и идеология истеблишмента США полностью соответствуют целям господства мирового финансового капитала. Отсюда их совместное доминирование (господство) во всех международных финансовых организациях (Всемирный банк, МВФ – международный валютный фонд и др.), полностью обусловленное проамериканской позицией «мирового правительства».

И здесь важно ответить на вопрос: выгоден ли Брексит Мировому тайному правительству (МТП). При ответе на этот вопрос важно избежать упрощённых трактовок и выводов. Наверняка у МТП имеются сценарии разных вариантов развития событий, и вряд ли здесь подходит вопрос об элементарной выгоде. Одно бесспорно, а именно то, что без санкции МТП бывший британский премьер Т. Кэмерон не смог бы даже поставить вопрос о референдуме по выходу страны из Евросоюза, а новый премьер Т. Мэй не была бы столь категорична в своём утверждении о брексите как решённом деле. И также вовсе не случайно то, что

США не смогли или не захотели принимать меры по недопущению референдума.

Поэтому логично предположить, что разрешённый МТП референдум о выходе Великобритании из Евросоюза, - скорее всего, сигнал Ф. Оланду и А. Меркель, робко усомнившимся в необходимости транстихоокеанского и трансатлантического проектов. Это сигнал о том, что МТП может проигнорировать нынешний Евросоюз и поставить «на кон» какой-то другой проект, который бы в полной мере отвечал интересам США и МТП. Так что для МТП Брексит мало что меняет в его глобальных планах и может оцениваться лишь как один из факторов большой геополитической игры.

Что касается России и её отношения к возможному выходу Британии из Евросоюза, то здесь мы должны исходить из двух стратегических посылок: из интересов безопасности своей страны и из цели достижения международной безопасности, памятуя о том, что нельзя в ядерную эпоху гарантировать национальную безопасность в отрыве от безопасности международной. Это означает необходимость, во-первых, укреплять собственную безопасность, и, во-вторых, вести политику, направленную на укрепление мира и взаимопонимания между всеми странами планеты.

При этом оценка Брексита с позиций России должна учитывать то обстоятельство, что в своей политической ориентации Евросоюз всегда следовал в фарватере США, эволюционируя от роли равноправного партнёра Соединённых штатов Америки к роли приводного ремня американской геополитики в противостоянии с Россией, включая гибридные войны и санкционные кампании против России.

Всё это говорит об утрате в последние годы Евросоюзом даже видимости самостоятельности, о полном и безоговорочном подчинении ЕС американскому гегемону, что, безусловно, не укрощает нынешний Евросоюз в глазах российских граждан.

В то же время сам по себе распад ЕС не способен внести какие-то изменения в российскую международную политику, не повлияет на проводимый курс по общему оздоровлению международных отношений, по продвижению по пути доверия и взаимопонимания. Поэтому Брексит сам по себе, без связи с общим состоянием международной безопасности не имеет принципиального значения для России, хотя, если он всё же состоится, это

